

Окказионализмы как вид энигматического кодирования*

1. Понятие энигматического окказионализма. Понятие «окказионализм» употребляется как определение лексемы, не вошедшей в словарный состав языка, но существующей в идиолекте конкретного автора. Это слова, искусственно созданные в результате индивидуального творческого акта, они необычны, яркие, обладают большой экспрессивностью.

Наблюдения над загадкой показали, что окказиональное кодирование в энигматических текстах можно считать явлением распространенным: очень часто в качестве субститута употребляются слова, не существующие ни в системе языка, ни в каком-либо из диалектов. Поскольку большинство этих лексем выступает лишь в загадках, целесообразно определить их как энигматические окказионализмы.

Появление окказионализмов в большинстве случаев детерминировано тематикой загадок. Самой многочисленной группой текстов, где выступают энигматические окказионализмы, являются загадки, денотат которых – люди или животные, обозначаемые путем перечисления их закодированных частей тела. 1361. *Stoim rassoha, na rassoha bebень, na bebене махало, на махале зевало, на зевале чихало, на чихале мигало, на мигале остров, на острову зверу (Человек);* 884. *Na widłach grabie, nad grabiami рёра, на рёpie krzykacz, za krzykaczem sapacz, nad sapaczem widzenie, nad widzeniem zarośla, nad zarošlem pole, za polem gęsty las (Człowiek):* 787 p. *Ctery chodyry, ctery pociągace, jeden smigac, dwa struchace (Krowa)* (здесь и далее номера загадок приводятся в соответствии с нумерацией, принятой в сборниках). Очень распространен этот вид кодирования и в загадках с диалоговой конструкцией (напр. «мышь спрашивают, где кошка»), в «событийных» загадках (терминология З.М. Волоцкой [1]), описывающих например кражу или похороны. При этом важнейшим условием появления окказионализма в этих текстах представляется невозможность иной (единой) номинации денотата, связанная с представлениями о его особенной важности: ввиду этого денотат табуируется и кодируется по частям, загадка перечисляет составные части скрытого объекта или участников события.

2. Словообразование номинативных окказионализмов. Окказиональные субституты в загадке чаще всего являются производными от названий свойств или действий денотата. При помощи окказионализмов кодируются чаще всего номинативные позиции; образованный неологизм сохраняет классовую отнесенность и характеризуется морфологическими признаками существительного, а его семантическая нагрузка состоит в номинализации предикативного или атрибутивного признака.

* На материале белорусских, русских и польских загадок.

При образовании *nomina attributiva* в качестве словообразующей основы выступает прилагательное, называющее реальный признак скрытого денотата, используемые форманты соответствуют тем, что выступают в этой же функции в системе языка, загадка реализует регулярные словообразовательные модели: 196. *Лупар гоўца разганяе, ціхар на месцы стаўляе (Вецер, збожжа, цішыня)*, 2161. *Красулька чарнульку ліжа (Агонь і гаршчок)*, 1467 р. *Leciała siwocha koło ciepłocha, pytała się świergota, czy nie widział mamrota?* (*Mysz, piec, świerszcz i kot*).

Еще более частотна отглагольная деривация. Таково большинство субститутов в загадках о человеке и животных: например, *растопырки, бодні, тыкі – 'рога', алядун, маргала, wytrzyzczyła – 'глаза'* и т.д. Но отглагольные дериваты встречаются и в других группах загадок, например: 1415. *3-за куста цыпуля, за нагу шчыпуля (Змяя)*. 1008. *Пестраяя крякушечка ловит лягушечек (Утка)*, 1265. *Из-под кустика хватыш (Волк)*, 575. *Ojciec pękajka, matka czubajka, a dzieci gołysięta (Gamek, pokrywka i ziemniaki)*.

Часто загадка использует не только окказиональную номинацию, но и тавтологию, эксплицирующую и усиливающую мотивирующий признак. Окказиональные дублеты, тавтологичные заданному в тексте загадки мотивирующему признаку, кардинально отличаются от окказиональных номинаций, выступающих вместо прямого указания на признак и использующихся для кодирования скрытого, аксиологически отмеченного денотата по частям. «Загадка существует в том смысле, что ее итог – открытие нового (все же то, что построено в загадке как тавтология, не затрагивает высших сакральных смыслов и ограничивается исключительно внешними уровнями структуры загадки)» [2]. Роль окказиональных дублетов прежде всего в том, что они являются средством экспрессии и служат для акцентирования внимания на характерном признаке денотата, для подчеркивания его доминанты. Загадка, таким образом, прямо называет опознавательную характеристику, легшую в основу номинации: 210. *Доўгі даўгач упадзе ў балота, яго не знаць (Дождж)*, 1316. *Живая живулечка на живом стулечке (Ребенка кормят грудью)*; 1461. *Chodzi chodora, wisi wisióra, wisióra spada, chodora zjadła (Świnia i gruszka)*, 2842. *Паўзулькі паўзуць, рагулькі вязуць; едуць калаціць таго пана, што жыве на балоце (Сані, вілы, стог)*.

Однако не всегда загадки используют стандартные словообразовательные модели. Я. Мазур отмечает, что очень часто словообразовательные форманты, создающие новую лексему, «выполняют в загадке иную словообразовательную функцию, нежели в диалекте» [3]. Более того, одним из способов создания окказиональной энигматической номинации может являться и образование новой лексемы от реального названия скрытого денотата: *nochajka, nochal 'нос': 871 р. Tu gaj, tu mrugaj, tu nochajka, tu papajka, tu bębenek, tu sikawka, tam pukawka (Człowiek)*; *два ўхтары, два-ста ўхаста, два ўхтахта 'уши': 1011. Дваста бадаста, чатырыста хасаста, два ўхтары, адзін махтар (Карова)*. Появление подобных формаций не соответствует системным способам словообразования (от существительных не могут образовываться существительные того же класса). Суффиксация в данном случае не приводит к изменению значения лексемы; формация оказывается семантически тождественной производящей основе, что невозможно в системе языка.

Случаи, когда в качестве мотивирующей основы выступает какой-либо другой, не атрибутивный и не предикативный признак, немногочисленны. Например, в основу окказионализма может лечь количественная характеристика: 2056. *Ішлі трычэнчыкі, неслі крывулечку цераз тын да ў вулачку (Тры пальцы нясуць лыжку ў рот)*, 838. *Дваяног, дваяног, вазьмі мяне без ног, бо прыйдзе чатыры-*

ног і з'єсць мяне без ног (Чалавек, яйцо, свіння), 1809. Пяць-перапяць па дарожцы бяжаць, пяць-перапяць пад крышай стаяць (Пальцы ў час прадзення), 1390. *Świmiak rozbił trójmak, a świmiaka bił dwójniak, na co rozbił trójniaka* (Kot, гупецька, чтор). Реже в основу номинации бывают положены иные признаки, например, локативная характеристика лексемы *podławnik*: 1464. *Szedł kum do kuma. «Wdziewaj, kumie, buty, pojedziewa do szumnika, weźmiewa podławnika, zabijewa rechwijana, co nam zajadł świerczka»* (Las, wilk, wieprz).

3. Текстологическая обусловленность номинативных окказионализмов.

Одной из важнейших особенностей номинативных окказиональных субститутов является то, что в тексте загадки они выступают не как единичный факт, а либо в тавтологической синтагме (дублирующие друг друга существительное и прилагательное, существительное и глагол), либо в парадигме, т.е. кодируемая позиция, в которой выступает окказионализм, практически не бывает единственной (за исключением случаев, когда в качестве субститута появляется глагольное междометие). При этом, как замечает Я. Мазур, «важную роль играют требования ритма и аналогия. Формант, использованный в первой строке загадки, влияет на структуру последующих» [3]. Это типичное для фольклора явление Е. Бартминьски связывает также с тем, что рифмы в фольклорных текстах «появляются как результат синтаксического и словообразовательного параллелизма» [4]. Существенным представляется отметить, что таких текстообразующих формантов может быть как один, так и несколько: в рамках одного текста все новообразования будут либо тождественны с морфологической точки зрения, либо текст загадки может использовать одновременно несколько словообразовательных моделей. Загадки о человеке могут совмещать также метафорические и окказиональные субституты.

Говоря об окказиональном кодировании в загадке, Я. Мазур указывает на то, что «в способе употребления формантов, образующих подобные лексемы, можно заметить характерное явление своего рода грамматической метафоры. Оно состоит в том, что функция форманта, отличная от его функции в разговорном языке, является причиной того, что употребленное в этой функции слово относится к иной грамматической категории, придавая иной характер десигнату» [3, с. 170]. Мысль исследователя можно развить, постулируя, что, поскольку виды словообразования в загадке не сводимы к общеязыковым канонам, отношение энigmatического деривата к системному аналогично отношению прямой номинации к метасемантическому словоупотреблению.

Подтверждением этому могут служить примеры, совмещающие в едином субституте окказионализм и метафору. Так, польская загадка о человеке, использующая окказиональное кодирование, начинается так: 872. *Dąb, na tym dębie gałęzięta...* Возникновение субститута *gałęzięta* в тексте загадки объясняется двумя факторами. Первый из них – последовательность метафор: если человек кодируется как дуб (*dąb*), то вполне логично обозначить его руки как ветви (*gałęzie*). Второй фактор – парадигматическая последовательность выступающих в тексте загадки лексем-шифров. Так, в тексте появляются *guguleta* для обозначения пальцев и *wytrzysszczeła* в качестве субститута для глаз. По их подобию метафорически употребленное существительное присоединяет к себе дополнительный суффикс, затемняя семантическую структуру появлением избыточной морфемы. Таким образом, на формирование энigmatического текста непосредственно влияют выступающие в нем субституты: «тот или иной способ номинации субъекта загадки определяет механизм развертывания и ор-

ганизации текста загадки и тем самым, хоть и косвенно, выполняет текстообразующую функцию» [5]).

Создание окказиональных номинаций является новаторским и творческим актом, более смелым, чем метафора, также обусловленная и детерминированная конкретными признаками денотата: окказиональные лексемы не соответствуют языковым нормам, а законы подобного словотворчества отличаются от общеязыковых тенденций и правил.

4. Неноминативные окказионализмы в загадках. Появление окказионализмов в загадке не ограничивается лишь случаями номинативного кодирования. В загадках распространены также случаи окказионально образованных глаголов и прилагательных.

В первом случае речь идет даже не о глаголах, а об отглагольных и звукоподражательных междометиях, выполняющих предикативную функцию. Этот словообразовательный тип распространен и в системе языка. 2219. *Фіту-міту – поўная шафа аксаміту (Комін і сажа), 2575. Скроб, скроб і пад прыпечкам лег (Венік), 1299. Ляціць жук – у воду шпук! Вада не ўзмуцілася, казаяўка не ўтапілася (Пяро), 1237. Риси, риси ро палявіе, хус под ріс (Pomiotto), 1240. Mrug oczkiem, klar jajkami, sik kuraskiem (Fuzja), 3509. Верть, верть, на заборе смерть (Полотенце).*

Более интересным случаем являются окказионализмы-прилагательные. Они образуются способами, нерелевантными для языковой системы, и чаще всего являются стилистическим приемом, служащим для затемнения структуры загадки. Т.е. в отличие от отатрибутивных существительных, они не выполняют дистинктивной функции и не служат для распознавания скрытого денотата. 1370. *За борам баранскім, за лесам лясанскім плакала каралеўна голасам панскім (Зязюля), 521. Дзерава дзераваноснае, лісце шухвейскае, вушы ангалскія, капіці дзьявольскія (Дзядоўнік), 140. На заре зарянској катілся шар вертлянскі, нікому яго не обойти, не объехать (Солнце).*

В основу словообразовательного процесса может быть положен не только принцип тавтологической деривации, но и, как в рассмотренных выше случаях номинативного кодирования, мотивирующей основой может стать любой из реальных или приписываемых денотату признаков. Например, в загадке 628. *Под мостом, мостом яристом лежит свинья кубариста (Змея)* первый из субституттов можно рассматривать как происходящий от корня *яр-, юр-* 'высокий', а второй – от наречия *кубарем* 'клубком'.

Изобилуют окказиональными прилагательными загадки, денотатом которых является колючее растение. Последовательности формаций, образованных от имен собственных (топонимов), от случайных имен нарицательных, не мотивированных ни малейшим подобием, от прилагательных, указывающих на один из признаков, чаще всего вообще оказываются лишены семантического наполнения. Они не могут выполнять дистинктивной функции по отдельности, но, собранные вместе, объединенные единым текстом, они выполняют градационную функцию, нагнетая на лексическом и словообразовательном уровне эмоцию страха: 1991. *На поле Арском, на рубеже татарском, стоит дерево Ливанско, листья митрофановски, когти дьявольски (Релей), 1193. На горе горенской стоит дуб смоленский, листки чемодански, когти дьявольски (Релей), 1841. Во поле полинском вырос дуб коротынской, отрасли дьявольские, а корни чертовы (Шиповник).*

5. Квази-окказионализмы в загадке. Рассматривая окказионализмы, выступающие в энигматических текстах, никто из исследователей не уделял отдель-

ного внимания единицам, находящимся на пограничье окказиональной и нормативной лексики. Это лексемы, формально относящиеся к окказионализмам (не зафиксированные в словаре), но при этом не представляющие ни малейшей трудности для интерпретатора, т.к. образованы в соответствии с продуктивными в языке моделями. Самыми частотными употреблениями в этой группе являются деминутивы: 636. *Семьсот соловьят на подушках сидят (Пчелы)*, 889. *Без рук, без топоренка построена избенка (Гнездо)*, 1149. *У цёмнай цягнушачцы сядзяць гарнушачкі і вяжуць вязаначкі – ні вузла, ні пяцелечкі (Пчолы)*. Эту особенность, присущую не только загадкам, но и фольклорным текстам вообще, отмечал Е. Бартминьски: «Важными регуляторами ритма являются деминутивы... Возможности диалектов с этой точки зрения огромны, поскольку языковая система допускает аккумуляцию уменьшительно-ласкательных суффиксов...» [4, с. 228] и ранее: «В рифмованных фольклорных текстах... появляется множество неизвестных разговорному языку словоформ, отличия которых следуют исключительно из соображений сохранения ритма и достижения рифмических эффектов» [4, с. 227]. Могут тут выступать также ненормативные глагольные формы: 2905. *Кася на ўвесь свет расцяглася (Дарога)*, 527. *Под попонкой поколыхиват (Вода подо льдом)*; ненормативные формы градационных прилагательных: 1266. *Серовато, зубовато, по полю рыщет, телят, ягнят ищет (Волк)*, 4222. *Не миловитой, не красовитой, а равно всем мил (Каравай)*, 651. *Шараваты, кудраваты, а навярху плеш, на здароўе з'еш (Качан капуста)* и т.д.

6. Ономатопеические и немотивированные энigmatические окказионализмы в загадке. При всем богатстве представленной в загадках окказиональной лексики, происхождение которой можно интерпретировать с большой долей вероятности, нельзя согласиться с постулатом З.М. Волоцкой, что энigmatические окказионализмы всегда являются мотивированными [6]. Иной точки зрения придерживается Я.М. Касьян, выделяя среди окказиональных номинаций «названия, образованные и используемые... совершенно произвольно» [7]. Речь идет о лексемах, не поддающихся этимологизации. Возможно, в момент создания они и представляли собой прозрачные с точки зрения словообразования структуры, но впоследствии эту прозрачность утратили. Вероятен, однако, и другой вариант объяснения, наряду с мотивированным окказиональным кодированием, загадка часто использует ономатопеические или совершенно произвольные субституты, особенно если по отношению к денотату обязывало табу.

Так, например, немотивированными представляются лексемы *чирандо, вырандо, паутя, фит, пит, пит-фит, вуштабурка, уштабрыка, бахтар, харытар, тындэлічка, тындэль, dzendzelicek, dzindzel* в загадках: 493. *Чирандо, вырандо за огородом гнется (Ручей)*, 3644. *Паутя, паутя по горнице шарит и в угол встанет (Веник)*, 4036. *Повешу я фит на пит, положу узду на пит-фит (Гвоздь, шапка, шарф)*, 2963. *Старая ты вуштабурка (уштабрыка), ляжыш ты на бахтары, я, малада, была ў тараторні, прыляцеў паляцтар, ухапіў пабудзітара, сеў на бялітар над харытарам, да ў даўбе (Нявестка гаворыць свекрыві, што ляжыць на пасцелі: «Я была на вуліцы, прыляцеў каршун, схапіў пейня, сеў на бярэзіне над дарогаю і есць».)*, 671. *Тындэлічка невялічка, тындэль большой (Капуста)*, 1459. *Dzendzelicek nie wielicek, a co dzindzel dzindzel (Kapusta)*.

Явлением ономатопеи можно объяснить появление номинаций – *gępnof 'нос' талалайчык, талалайка, балбатун, beńiacz – 'язык'* в загадках о человеке, а также мотивировать самые разнообразные лексемы, появляющиеся в загадках, связанных с шумной работой, например, с обмолотом снопов: 2342. *Чекотунчики летят, меж собою гаворят: чи-ки-чок, чи-ки-чок*, 2339. *По-та-ту, по-*

та-ты, та-ка-ту, та-ка-ты, а яички ворохом несутся. Явление ономотопеи интересно тем, что новообразованные номинации находятся на семантико-грамматическом пограничье: будучи лишены конкретного лексического значения, они, однако, являются производными и мотивированными [8–10].

Подводя итог, следует еще раз отметить, что окказионализмы в загадках составляют значительный пласт, в то время как их употребление в речи или любом неэнигматическом тексте ограничено и является, скорее, исключением. Энигматические окказионализмы представляют собой лексическую группу, разнообразную как с точки зрения морфемного состава, морфологических признаков и степени мотивированности, так и с точки зрения прагматики, поскольку, во-первых, могут служить созданию нового знака, и во-вторых, могут придавать лексеме определенную эмоциональную окраску или же служить созданию необходимой фонетической оболочки.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Волоцкая З.М.** Наблюдения над славянскими загадками с окказиональными номинациями // Сов. славяноведение, 1989, № 1. – С. 55–64.
2. **Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н.** О ведийской загадке типа brahmodya // Паремнологические исследования. – М., 1984. – С. 15.
3. **Mazur J.** O słowotwórstwie zagadek ludowych (Przyczynek do charakterystyki artystycznej odmiany gwary) // Językoznawca, 1964, № 11–12. – Lublin, 1964. – S. 171.
4. **Bartmiński J.** Ludowy styl artystyczny // Współczesny język polski / Pod red. **J. Bartmińskiego**. – Lublin, 2001. – S. 228.
5. **Яновіч А.І.** Беларускія народныя загадкі і пытанні стылістыкі тэксту // Е. Карский и современное языкознание. Материалы шестых научных чтений. – Гродно, 1996. – С. 152. – Т. 1.
6. **Волоцкая З.М.** Связь структуры и семантики загадок со словообразованием (на славянском материале) // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. Тез. и предварительные мат. к симпозиуму. – М., 1988. – С. 130.
7. **Kasjan J.M.** Polska zagadka ludowa / Zeszyt pod redakcją **L. Pszczółowskiej**. – Wrocław, 1983. – S. 28.
8. **Загадкі. Беларуская народная творчасць /** Складальнікі **М.Я. Грынблат, А.Л. Гурскі**. – Мн., 1972. – 448 с.
9. **Загадки /** Изд. подг. **В.В. Митрофанова**. – Л., 1968. – 255 с.
10. **Polskie zagadki ludowe /** Wybrał i opracował **S. Fotfasiński**. – Warszawa, 1975. – 453 s.

S U M M A R Y

The research concentrates on the occasional lexemes encoding concealed denotation in riddles. The choice of this method of encoding is conditioned by the subjects and structure of the text. Both standard derivational patterns and those not sanctioned by the usage can be realized in a riddle. The occasional substitute can either serve as allegorical indication of a tabooed denotation or be a means of expression facilitating or complicating the task of the guesser.

Поступила в редакцию 12.09.2006